

Лингвокультурная специфика категоризации и стереотипизации цвета в разноструктурных языках

Маремукова Э.В.

Министерство культуры Кабардино-Балкарской Республики, Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова (ФГБОУ ВО КБГУ им. Х.М. Бербекова), г. Нальчик, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3567-9693>, e-mail: elleonora16@mail.ru

Работа направлена на раскрытие этнокультурных особенностей лингвистической экспликации цвета в неродственных кабардино-черкесском, русском и английском языках. Эмпирический материал разноструктурных языков проанализирован с применением комплекса общенаучных и лингвистических методов, в числе которых методы компаративного и концептуального анализа, выбор которых предопределен необходимостью изучения процесса объективации этноспецифичной информации в сравниваемых языках, а также определения роли языка в нем. Компаративно проанализирован материал языков с различной структурой (в том числе устная разговорная речь, идиоматические выражения, письменные источники и лексикографические издания). Полученные результаты подтвердили приоритет в различных лингвокультурах «видения» над «цветом», а также выявили ключевые этностереотипные и категориальные характеристики цветоименований в кабардино-черкесском, русском и английском языках. Выводы, сделанные в исследовании, а также полученные результаты окажут содействие в решении ряда узловых вопросов сферы лингвистики и межкультурной коммуникации, а также в учебной и исследовательской деятельности по направлениям «Лингвокультурология», «Лингвистика и межкультурная коммуникация», «Освоение второго языка», «Двуязычие».

Ключевые слова: язык, культура, лингвокультура, цветоименования, культурный код, этнокультурная информация, категоризация, стереотипизация.

Для цитаты: Маремукова Э.В. Лингвокультурная специфика категоризации и стереотипизации цвета в разноструктурных языках [Электронный ресурс] // Язык и текст. 2023. Том 10. № 4. С. 15–29. DOI:10.17759/langt.2023100402

Linguocultural Specificity of Categorization and Stereotyping of Color in Languages with Different Structures

Elleonora V. Maremukova

Ministry of Culture of the Kabardino-Balkarian Republic, Kabardino-Balkarian State University named after. H.M. Berbekov, Nalchik, Russia,
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3567-9693>, e-mail: elleonora16@mail.ru

The work is aimed at revealing the ethnocultural features of the linguistic explication of color in the unrelated Kabardian-Circassian, Russian and English languages. The empirical material of languages with different structures was analyzed using a complex of general scientific and linguistic methods, including methods of comparative and conceptual analysis, the choice of which is predetermined by the need to study the process of objectification of ethnospecific information in the languages being compared, as well as determining the role of language in it. The material of languages with different structures (including oral colloquial speech, idiomatic expressions, written sources and lexicographic publications) was analyzed comparatively. The results obtained confirmed the priority of «vision» over «color» in various linguistic cultures, and revealed the key ethno-stereotypical and categorical characteristics of color names in the Kabardian-Circassian, Russian and English languages. The conclusions drawn in the study, as well as the results obtained, will assist in solving a number of key issues in the field of linguistics and intercultural communication, as well as in educational and research activities in the areas of «Linguoculturology», «Linguistics and intercultural communication», «Second language acquisition», «Bilingualism».

Keywords: culture, linguoculture, color names, cultural code, ethnocultural information, categorization, stereotyping.

For citation: Maremukova E.V. Linguocultural Specificity of Categorization and Stereotyping of Color in Languages with Different Structures. *Yazyk i tekst = Language and Text*, 2023. Vol. 10, no. 4, pp. 15–29. DOI:10.17759/langt.2023100402 (In Russ.).

Введение

В истории изучения терминов цвета выделяют три периода: *релятивистский*, *универсалистский* и *современный*. Первый соотносится с началом 1950-х гг., когда в соответствии с релятивистской теорией категоризация цвета считалась произвольной, а также обуславливающей восприятие. Второй период связан с работой Брента Берлина и Пола Кея 1969 г. [6], определившей восприятие цвета универсальным явлением. Третий период связан с критикой теории Берлина и Кея в 1990-е гг. и появлением исследований, посвященных вовлеченности языка в процесс восприятия и категоризации окружающей действительности.

Универсалисты считают, что почти каждый естественный язык содержит набор основных цветовых терминов, которые кодируют цветовую область. Это утверждение подкрепляется эмпирическими данными, которые собирались в течение длительного времени П. Кеем и его

коллегами. Релятивисты считают целесообразным создание новой методики, учитывающей весь спектр семантических и функциональных особенностей лексем цветового обозначения. Несмотря на теоретические противоречия, и универсалисты, и релятивисты сходятся во мнении, что язык формирует категориальное восприятие цвета, т.е. делает возможным более быстрое и четкое дифференцирование стимулов из разных цветовых категорий по сравнению со стимулами из одной категории [3].

Эксперименты с цветовыми категориями проводились для определения влияния языка на мышление. Область цвета может выступить самым ярким примером метафоры «язык — это линза, посредством которой человек воспринимает мир». Цвета находятся в сфере влияния восприятия, в связи с чем было бы закономерным утверждать, что понятия цвета являются прерогативами природы. Однако при этом природа пренебрегает процессом разделения цветового спектра различными народами. Цвета образуют континуум: зеленый цвет не становится синим в определенный момент, а постепенно переходит в синий через миллионы оттенков, включая бирюзовый и аквамариновый. Когда мы говорим о цветах, однако, мы даем им четкие границы: желтый, зеленый, синий и т.д. Ученые задаются вопросами о том, продиктовано ли это наше разделение цвета самой природой; являются ли концепты цвета универсальными константами человечества, предопределенными человеческим зрением или мозгом, или же представляют собой культурные условности; могли ли эти границы быть определены по-другому [9].

До конца 1960-х годов цвет считался лучшим, если не единственным, эмпирически обоснованным аргументом для обоснования теории лингвистического релятивизма. Считалось, что языки и культуры могут различаться по своей цветовой номенклатуре почти без ограничений и не может быть априорного способа узнать, как может выглядеть та или иная конкретная цветовая терминологическая система.

Влиятельный способ выражения «релятивистской» точки зрения был предложен Эдвардом Сепиром и его учеником Бенджамином Ли Уорфом. Их имена стали ассоциироваться с тем, что в настоящее время называется «гипотезой Сепира-Уорфа», согласно которой язык, на котором говорит человек, определяет его мысли и действия. Утверждалось, что цветовосприятие можно исследовать без некоторого культурного багажа, связанного с другими понятиями, а разнообразие цветовой номенклатуры использовалось для отрицания всякой предрасположенности как человеческого восприятия, так и физического мира детерминировать появление в языке терминов цвета.

Берлин и Кей утверждали существование в большинстве языков мира фиксированного количества терминов цвета (одиннадцать и меньше), а также межкультурно универсальную последовательность приобретения языком новых цветовых категорий, где «белый» и «черный» определяются в первую очередь, далее следует «красный», затем «желтый» или «синий», а «розовый» или «оранжевый» всегда добавляются последними. При этом было заявлено, что, несмотря на возможно сильное варьирование диапазонов этих терминов, некоторые цвета имеют универсальную психологическую значимость, даже если в рассматриваемом языке нет фактического термина для определенного цвета. Например, если в языке имеются только два «основных» цвета, то это белый и черный (белый или все светлые цвета и черный или все темные), три основных обозначения цвета — белый, черный и красный; четыре — белый, черный, красный и зеленый или желтый; пять — белый, черный, красный, зеленый и желтый; шесть — белый, черный, красный, зеленый, желтый и

синий; семь — белый, черный, красный, зеленый, желтый, синий и коричневый; восемь и более — белый, черный, красный, зеленый, желтый, синий, коричневый, а также фиолетовый, розовый или оранжевый в любом порядке (т.е. восьмой базовый цветовой термин языка может быть фиолетовым, розовым или оранжевым); девять — один из оставшихся двух, десять — любой оставшийся. Цветовой термин «серый», являясь подстановочным знаком, может появляться в любой позиции. Таким образом, была предложена идея о максимальном количестве основных цветовых терминов в количестве одиннадцати, а также о вхождении в данный универсальный набор названий цветов в языках с меньшим количеством основных цветовых терминов.

Таким образом, на основе изучения терминов цвета многочисленных языков была предложена идея значительно меньшего разнообразия цветовых терминов на разных языках, чем поддерживалось ранее. Несмотря на многочисленные исследования, демонстрирующие, что цветовой спектр был разделен по-разному, была представлена базовая модель универсальности с заявлением о меньших вариациях на фокусных точках, чем на границах цветов.

Согласно Берлину и Кею, если цветовой термин является основным, то он должен проявлять следующие характеристики: его значение не должно быть предсказуемо из значений его частей (этот критерий исключает такие цветовые термины, такие как «светло-голубой», «голубоватый» или «лимонный цвет»); его значение не включено в значение любого другого цветового термина (таким образом, исключаются такие цветовые термины, как «фиолетовый», который является разновидностью пурпурного, или «алый», похожий на «красный»); его применение не должно ограничиваться узким классом объектов (данный критерий исключает такие цветовые термины, как «блондин», который используется только для волос, бледный, применяемый для обозначения цвета лица); он должен быть психологически заметным (должен приходиться в голову легко, часто используемым).

Сторонники гипотезы Берлина и Кея отмечают, что данное направление было «революционным», продемонстрировавшим, что цветовая категоризация не произвольна, фокусы основных цветовых терминов одинаковы во всех языках, и порядок кодирования основных цветовых терминов в языке фиксирован [6, с. 10].

Гипотеза Берлина-Кея о том, что способ разграничения цветов во всех языках носит универсальный характер, исключает лингвистический релятивизм, предполагающий отсутствие ограничений для выделения и обозначения цветов.

Критика теории базовых цветообозначений

Исследователи, придерживающиеся альтернативной позиции и отвергающие гипотезу Берлина и Кея, утверждают, что проект обречен на ложные выводы, поскольку опирается на ошибочные предположения. По мнению ряда авторов, таких как Д. Люси [13], Д. ван Бракель [18], Б. Сондерс [16], Д. Льенс [14] и А. Вежбицкая [21; 22], модели универсальности, которые были обнаружены, на самом деле являются артефактами метода. Общее утверждение этих критиков состоит в том, что аксиоматические предположения, являющиеся частью исследования, предсказывают результаты. Проблема видится в том, что называется авторами семантикой, которая сводит проблему значения в акт наименования, отодвинув истинное этнографическое существование цветовых терминов и представлений и их действительное культурное значение на второстепенное место. В этой связи приводятся

прогнозы Соссюра, который отмечал, что, когда язык принимается исключительно как номенклатура, не дифференциальную систему значимых ценностей, познание при этом сводится к узнаванию, понятие к восприятию, знак к сигналу и, в конце концов, культура к природе.

По мнению указанных критиков, ограничивая изучение цветообозначений исключительно измерением оттенка, насыщенности, западная концепция цвета накладывает рестрикции на термины, которые могут иметь гораздо более широкое значение.

Модель Берлина и Кея предполагает, что все языки имеют некоторые «базовые термины цвета» и что эти термины, в принципе, могут быть сопоставлены с такими английскими словами, как «черный», «белый», «красный» и «желтый». Кроме того, предполагается, что «базовые цветовые термины» образуют импликационную (а также эволюционную) иерархию, которая применима ко всем языкам и может быть идентифицирована с точки зрения слов, обозначающих цвет в английском языке.

В отношении количества основных цветов (не более одиннадцати) во всех языках следует отметить контрпримеры, приводимые оппонентами данной теории — наличие более одиннадцати терминов цвета в некоторых языках, к примеру, в русском, венгерском и турецком, а также указанные в данном исследовании аргументы в отношении производности некоторых терминов, отнесенных Берлином и Кеем к базовым.

Исследователи отмечают вероятность того, что термины, обозначающие цвет, усваиваются их демонстративным обозначением: «Синий означает то, что люди называют синим» [22, с. 299].

Также утверждается, что использование английской терминологии в качестве метаязыка приводит к выводам и заставляет исследователей видеть закономерности там, где их нет.

Критика парадигмы Берлина и Кея касается в основном двух аспектов исследования: контекстно-свободное отображение на стандартизированных диаграммах и сведение смысла к фокусу.

Одним из основных критических заявлений в отношении гипотезы Берлина-Кея можно назвать то, что по мере развития культур дополнительные названия цветов приходят в систематический порядок. Релятивизм предполагает, что восприятие существующего во внешнем мире всегда является вопросом перспективы. Согласно релятивистам, термины цвета не всегда могут быть приведены во взаимно однозначное соответствие между языками. Они считают, что цветовые категории относительны и цветообозначения влияют на их восприятие.

Релятивисты чаще всего следуют гипотезе Сепира-Уорфа, которая предполагает, что каждый язык накладывает на калейдоскопический поток впечатлений человека свою собственную своеобразную семантическую структуру. Приводится множество культурных примеров явления такого типа. Например, в русском языке нет единого слова для «purple», как в английском, однако имеются два отдельных слова для «blue». «Голубой» для цвета, который англоговорящие определили бы как «blue», и «синий» для цвета, называемого в английском языке «dark-blue». Таким образом, гипотеза Сепира-Уорфа подчеркивает относительную семантическую структуру, минимизируя при этом роль лингвистических универсалий.

Универсализм, с другой стороны, относится к стабильным общим истинам — цветовые

категории имеют неотъемлемое и существенное качество, не зависящее от восприятия людей. Универсалисты утверждают, что все грамматические и лексические структуры языков изоморфны и взаимозаменяемы.

«Ошибочность» выводов Берлина и Кея видится критиками в неправильном понимании теории языковой относительности, «предвзятости» отбора, «противоречивых» и «неполных» эмпирических доказательствах.

В последующие годы Берлин и Кей вместе с коллегами пересмотрели свою теорию, чтобы адаптировать его к кросс-лингвистическим данным, которые не могут быть объяснены с помощью теории и обеспечивают более тесную связь с перцептивной физиологией. Например, они ослабили иерархию терминов основных цветов, чтобы приспособить раннее появление терминов, таких как «коричневый» и «серый», позволив этим терминам определяться в любом месте в порядке основных терминов цветообозначений. Теория Берлина и Кея дала старт появлению новых методов кросс-культурных исследований восприятия цвета.

Цветовые категории и роль языка в различении цветов привлекают внимание многих ученых и в последнее время. Исследования после 1969 г. можно разделить на две категории: принимающее общую основу теории Берлина и Кея, проверяя гипотезу на новом материале или применяя новые методы для подтверждения теории, и отвергающее всю предпосылку теории Берлина и Кея.

Как цвет концептуализируется посредством языка? Какие лингвистические механизмы используются языками для описания цвета? Как развиваются цветовая терминология? Как контекст влияет на восприятие цвета? Большое количество исследований, проведенных за несколько десятилетий, подтвердили некоторые формы гипотезы лингвистической относительности или предполагающей, что язык влияет на когнитивное представление о мире.

Этноспецифичность терминов цвета в разноструктурных языках

Проанализированный в данном исследовании материал разносистемных языков выявил, что в кабардино-черкесском языке эквивалентом термина «цвет» русского языка и «color» английского языка является «пльыфэ» (пльы + фэ). «Лъ» в данном случае имеет семантическую корреляцию с «видеть» (лъагъун – видеть, епльын — смотреть на), а также «лбы» (кровь): лъагъугъуафIэ (привлекательный/ая/ое (на кого/что легко смотреть (радует глаз), лъагъун (видеть), лъагъунугъэ (любовь, букв. видение (сэ уэ фIыуэ узольагъу («я тебя люблю» от «я хорошо тебя вижу» («я тебя выделяю из других объектов восприятия, придаю значение, ты для меня важен»), теплъэ (внешний вид), лъагъугъуафIэ (привлекательный/ая/ое (имеющий/ая/ее привлекательный вид, букв. на которого смотреть (видеть, любить) легко, лъагъунлъагъу (пойти в гости с целью проведать, увидеться (лъагъун — видеть), фэфI есплъащ – у меня сложилось хорошее мнение о нем (букв. фэ — кожа, вид: его вид мне показался хорошим), лыхъуэн (искать (то, что находится вне поля зрения) и «фэ» (кожа, оболочка, внешний вид); лбыфэ (цвета (вида) крови, кызыщIэпъащ (покраснел/а/о, разгорячился/ась/ось), пльыжь (красный), пльыжьыфэ (красноватый), пльыр-жьэр (горячка) (от «пльын» (нагреться) + жьэн (жарить(ся))).

Кабардино-черкесский язык подтверждает теорию А. Вежбицкой о приоритете «видения» над «цветом». К примеру, для обозначения термина цвет (colour) в кабардино-черкесском

языке используется слово «фэ», которое в русском языке имеет эквиваленты «внешняя оболочка», «кожа», «шкура», «кожура», «кора», «внешний вид», «наружность» (теплэ), «цвет» (плъыфэ), сытыфэ? (какого цвета? (букв. на что похож/а/е? (какой внешний вид имеет?), «И фэр сыт хуэдэ?» (Какого цвета? — букв. Какого вида? Внешним видом кого/чего обладает? Что напоминает?), «Сытыфэ кызыпльыну?» (Что он/она подумает обо мне? Как я ему/ей покажусь (в его/ее глазах)? Какой вид/репутацию/имидж это мне создаст?), «Губзыгъафэ зытригъауэрт» (Хотел/а показаться умным (Вел/а себя так, чтобы сформировать внешний вид (фэ) умного человека), «къамылыфэ» (смуглый, букв. цвета/вида камыша): къамыл (камыш) + фэ (внешний вид).

В русском языке, в отличие от других европейских языков, лексема «цвет» деривационно соотносится с «цветением», обретением лучшего, красивого вида, изменением под благотворным влиянием: «цветет и пахнет», «расцвет», «цвет общества». При этом употребляемые в английском языке слова «to paint», «to dye» в русском языке лингвокультурно сопряжены с красным цветом (красотой) — «красить», «краска», который, в свою очередь, имеет этностереотипную коннотацию с красотой и приятным для глаз внешним видом.

Внешнему виду в кабардино-черкесской культуре уделяется большое значение. Используемый в языке термин «шыфэллыфэ» на русский язык переводится как «характеристика», «внешний вид» (шы (конь) + ллы (мужчина) + фэ (вид) и имеет этнокультурную связь с нартским эпосом, приравнивающим коня к человеку и закрепившим описание воина-наездника наравне со своим скакуном: Апхуэдэ шыфэллыфэ зилэ адэр пасэу зэралэщлэам кыщынэмыщлауэ, Исхэкъ и сабиигъуэр зыхуыбыда лъэхъэнэр гъаблэ зэмант (Помимо того, что они потеряли отца с такими характеристиками (достоинствами), детство Исхака пришлось на трудное голодное время.) [1]; Адыгэ тхыдэми Луэрылуатэми Лушщлу къахошчыж зауэллымрэ шымрэ я зэхушчытыклар. Псалгэм папщлэ, зауэллыр улэгъэ хъуарэ, и гуащлар хэщламэ, шыр щлым тлысырт, ллыр и щлыбым иригъэгъуальхъэрти, унэм кышэжырт. Е, шур гъэр хъуамэ, шым унагъуэм кыгъэзэжырти, тесар кызырагъуэтыну лъагъуэм утришэрт. Адыгэбзэм хэтщ лъабжьэшхуэрэ мыхъэнэ инрэ зилэ псалгэ дахэ — «шы-фэ-ллы-фэ». Абы кылуатэ адыгэм и гъащлэм шым щуыбыду шыта мыхъэнэр зыхуэдизыр. (В истории и фольклоре адыгов четко прослеживается взаимоотношение воина и его коня. К примеру, если воин ранен и обессилен, его конь садился на землю, располагал на своей спине мужчину и нес его домой. Или при пленении всадника, конь возвращался домой и направлял (ищущих) на дорогу для нахождения (и вызволения) всадника. В адыгском языке имеется красивое слово с огромным смыслом (и этимологией): шы (лошадь, конь) — фэ (внешний вид, кожа) — ллы (мужчина) — фэ (внешний вид, кожа. Оно демонстрирует исторически великую роль коня в жизни адыгов.) [2].

На основе своей теории естественного семантического метаязыка А. Вежбицкая приводит аргументы в пользу универсальности термина «видеть» по сравнению с термином «цвет» в связи с тем, что, по ее утверждению, не все культуры выделяют цвета, а первоочередным опытом для каждого этнического сообщества является видение и описание предметов и явлений посредством языка на основе визуального восприятия [11; 10; 20].

Поиск во всех языках поля «цветовой семантики» приводит к навязыванию исследованию всех культур перспективу только одной из них (в первую очередь современной технологически высоко развитой западной культуры). Во всех культурах для людей важно

зрительное восприятие и описание того, что они видят, однако это не предполагает наличие специального термина «цвет» как отдельного обозначения одной из сторон зрительного опыта. При этом во всех отмечается слово для понятия «видеть» [20].

На первый взгляд, «цвет» не является универсальным понятием. Он может быть важным понятием в английском и, безусловно, во многих других языках, однако это не значит, что во всех. Утверждать, что носители языков «думают» терминами «цвета» (хотя они никогда не говорят о «цвете») — значит навязывать этим языкам чуждую им понятийную систему. Не может быть универсалий в том, как люди обычно думают и говорят о цвете, учитывая, что на многих языках люди не говорят о цвете вообще. Этот основной тезис часто отвергается на основании аксиомы о том, что отсутствие слова не доказывает отсутствия понятия. В первую очередь, имеет смысл рассмотреть, как люди в разных культурах говорят и думают о том, что они видят, а не то, как они говорят и думают о цвете в связи с тем, что «визуальная семантика» шире и фундаментальнее, чем «семантика цвета», а также плодотворно исследовать семантику цвета (по отношению к таким языкам, как английский) в контексте более фундаментального изучения семантики видения.

Исследователями отмечены универсальные черты и отличия цвета, затрагивающие глубинные слои сознания и отражающие национальные культурно обусловленные особенности, а также структурно-семантические различия наименований цвета, связанные с различиями в картинах мира представителей разных культур, со сложившимися историко-культурными, религиозными, климатическими и другими особенностями [5].

Некоторые ученые стремились продемонстрировать, что перцептивные и лингвистические репрезентации различны [8], другие подчеркивали связь между тем, что люди видят (восприятие) и на что люди обращают внимание.

Одними из главных характеристик индоевропейского мировидения рассматривают ориентацию на явственность и открытость. Пребывание на свете определяет существование всего сущего. Человек появляется на свет и жив, пока он на этом свете, видит (чувствует) свет.

Глаголы со значением «видеть» в различных языках имеют коннотацию «знать», «познавать», «рассматривать», «понимать», вызванную, в первую очередь, доминированием зрения в перцепции человека, однако требующую учета социокультурного контекста.

В русском языке «понятное» полагается явным, очевидным, лингвокультурную фиксацию значения зрительного восприятия получают ясность мышления, светлость ума, наглядность примера, прозрачность намека, осторожность соотносится с предусмотрительностью, дальновидностью, дальнзоркостью; проницательность — с прозорливостью, зоркостью; образованность — с просвещенностью, в то время как невежественность — с темнотой; посредственность — с серостью; непонятность — с мутностью, туманностью и т. д. [3, с. 674].

В отличие от английского языка, который уделяет внимание цвету, особое внимание народ может обращать на то, как объекты внешнего мира независимо от их цвета визуально заметны в определенном месте на определенном фоне, светятся где-либо на расстоянии, привлекают внимание, бросаются в глаза, выделяются, создавая визуальный контраст, кажутся похожими на знакомые и визуально заметные особенности окружающей среды (обычно встречающиеся местные минералы, свежая растительность после дождя, характерная местная почва, вечерний дым, костры и др.).

С индустриализацией и развитием технологий появляется больше искусственно созданных предметов и их визуальных характеристик, которые способствуют появлению новых терминов, принимаемых в большинстве языков за цветовые.

Абстрактные существительные, такие как «размер», «температура», «текстура», «форма» или «цвет», предполагают категоризацию знаний, встроенных в обыденный язык: спрашивать «какой это формы?» — искать знания одного вида; спрашивать «какого он цвета?» — значит искать информацию совершенно о другом. В русском языке имеется поговорка «Каков вопрос, таков и ответ», предполагающая, что ответная информация будет соответствовать поставленному вопросу, и решающее значение имеет постановка вопроса. Если кто-то спрашивает «на что это похоже?», он не отделяет форму от цвета как два разных вида вещей, которые можно было бы знать об объекте, однако, если спросить в частности, о форме или о цвете, мы действительно разделяем их. При этом вопрос «На что это похоже?» делает отличительные черты предмета или явления вторичными, уподобляя их существующей в сознании человека информацией о другом предмете или явлении, пренебрегая возможными новыми оригинальными свойствами. Концепция «цвета» предполагает выделение одного конкретного «вида вещей», которые люди могли бы знать о некоторых вещах. В отличие от «формы» или «размера», этот особый вид знания полностью зависит от того, что люди могут видеть. И человек объективирует это в языке связи с тем, что хочет, чтобы и другой человек об этом узнал, поэтому передает данную информацию.

В целом исследования последних лет не поддерживают гипотезу Берлина и Кея, однако отражают влияние культуры на номенклатуру цвета — что цвета, важные для жителей пустыни, закодированы первыми.

С древнейшей истории цивилизации цвет был и остается одним из самых продуктивных способов познания и понимания окружающей действительности, поскольку он представляет собой наиболее значимые и ценные явления для человека.

Ключевыми цветоименованиями, присутствующими в цветовой гамме языковой картины мира каждого народа, полагаются белый и черный.

За белым цветом закреплена символика жизни, света, мира, духовности, чистоты. Белый цвет также выступает маркером нейтральных признаков: бесцветности, прозрачности, пробела, интервала, чистого бланка и др. Черный цвет в основном характеризует отрицательные признаки предметов, явлений, человеческих качеств (мрачный, печальный, угрюмый, безрадостный, зловещий, коварный, дьявольский, незаконный, нелегальный и др.): в англ. яз. — «black ingratitude» (черная неблагодарность), «black hands» (грязные руки); в русск. яз. — черная мгла, черная неблагодарность; в каб.-черк. яз. — и гур флaмыщlым хуэдэу фlыцlэщ (у него/нее сердце черное, подобно каменному углю – отрицательная характеристика), и напэр фlыцlэщ /кьэнджал тебзащ (у него/нее лицо черное/жестяное).

Слова «темный» и «светлый» (как названия цвета) усваиваются наглядно (остенсивно) с указанием на предметы, которые могут служить эталоном «темного цвета» или «светлого цвета», а эталоны «темноты» или «светлости» следует искать в темноте ночи или в свете дня.

В анализируемых лингвокультурах «серой» называют скучную, бесцветную личность, неинтересного человека: серая личность, серая мышь (русск.). Кроме того, в русском языке серому приписывается значение «необразованный, малокультурный».

Красный цвет выступает сигналом многих жизненно важных явлений, особенно опасности (кровь). Специальному статусу красного способствуют и культурные предпосылки, и

необходимо учитывать, что люди находят имена вещам и явлениям, о которых у них есть необходимость говорить. Красные красители более популярны и легче производить, и существуют многие культуры, которые используют исключительно черный, белый и красный в качестве искусственных цветов. В целом, и природа и культура дают красному цвету преимущество среди цветов, и в этом исследователи видят причину получения красным цветом наименования первым из призматических цветов.

Во многих языках название красного цвета происходит от слова «кровь». И эта лингвистическая связь занимает умы поколений библейских толкователей в связи с корреляцией с именем Адама – как отца человечества. Согласно библейской этимологии, Адам обязан своим именем красной возделываемой почве «adamah», из которой он был создан. Само «adamah» происходит от семитского слова «adam» (красный), которое, в свою очередь, восходит к «dam» (кровь) [9: 92].

Термин «пльыж» в кабардино-черкесском языке имеет коннотацию «красный», однако в данном случае «ль» соотносится с лы (кровь), лыфэ (бордовый, букв. «вида крови» (лы — кровь + фэ (внешний вид), внешним видом нагреваемых предметов (пльын — нагреваться, гъэплъа — нагретый, пльыр-жьэр — горячка, мылэрысэ джабэплъ (спелое красное яблоко (т.е. с красным боком (джабэ – бок). «Теплъэ» (те — локальный преверб со значением «над» (т.е. снаружи) + «ль» (видеть)) — внешний вид. Для образования цветообозначений используется термин «фэ» (кожа, вид): пльыжьыфэ (красноватый), однако удзыфэ («удз» (травы) + фэ (вид) зеленый (букв. вида травы).

Красный цвет в русской лингвокультуре не только обозначает цвет, но и тесно связан с фольклором – такие фразы как «красная дева», «красное словцо», «красный молодец», «красное солнце», «красный день», «красное лето» часто встречаются в сказках, легендах и песнях.

Ассоциация красного цвета с огнем, светом и теплом характерна для различных культур, поэтому существует сравнение зари, солнца с красным цветом, так как они дают тепло и являются божественными олицетворениями всего положительного в окружающей действительности. Короли, императоры, цари и военачальники предпочитали красную одежду.

После красного следуют желтый и зеленый, и только затем — синий. Объяснение превосходства желтого и зеленого над синим следует искать в культурном значении этих двух цветов: желтый и зеленый — цвета вегетации, и разница между ними (к примеру, между спелым и неспелым фруктом) имеет практические последствия, о которых носители языка, возможно, хотят говорить, зафиксировав в своем языке их обозначения. В то же время культурное значение синего цвета лимитировано – синий весьма редко встречается в природе и его сложно искусственно производить. Несомненно, синий — цвет неба (а для некоторых, и моря), однако, как считают исследователи, отсутствие материалов с практической значимостью снимает необходимость давать этому цвету специальное наименование [9, с. 92].

Желтый цвет и в русской, и в английской культуре имеет негативную символику, связанную с предательством, разлукой, коррелируется с чувством тревоги, опасения, печальных предчувствий, развратом, недостоверностью (желтая пресса), болезнью (желтая лихорадка — болезнь, при которой лицо больного обретает желтоватый оттенок), увядание (увядание растительности в осенний период). В Европе желтый или желто-черный флаг

обозначал карантин, а желтый крест — чуму, в связи с тем, что его ставили на домах, где была чума.

Количество наименований цветов радуги в английском языке составляет шесть, в то время как в русском — семь в связи с тем, что в последнем разграничиваются синий и голубой цвета, а в английском языке представлены одним наименованием «blue», который может сопровождаться показателями оттенка – «light blue» («светло-голубой» в русском языке) и «dark blue» («темно-синий» в русском языке).

На лексическом уровне в русском языке для обозначения цветовых оттенков между зеленым и фиолетовым имеются отдельные слова «голубой», «синий» и «темно-синий», в то время как в английском языке этим цветам соответствуют номинации «темно-синий» (dark blue), «синий» (blue) и «светло-синий» (light blue). Используемое в английском языке идиоматическое выражение «out of the blue» имеет лингвокультурную коннотацию «из неоткуда, неожиданно, на ровном месте, прямо из воздуха» (букв. из голубого (воздуха), имеющее в русском языке коррелят «Как снег на голову» (неожиданно, как снег, которого не ждали в ясную погоду).

В кабардино-черкесском языке синий цвет обозначается словом «щЫху». Имеет место также диалектное употребление слова «щхъуэ» в значении «синий». Однако в литературном кабардино-черкесском языке «щхъуэ» имеет семантику «серый». В то же время голубой цвет номинируется лексемами «къащхъуэ» (уафэ къащхъуэ — голубое небо) и «щхъуантІэ», при этом последнее имя прилагательное может иметь коннотацию как зеленого (щЫльэ щхъуантІэ — зеленая земля — о растительности, ее покрывающей), так и голубого цветов. Отсутствие языкового знака для передачи какого-либо цвета способствует пониманию мировидения этноса, не различающего определенные цвета в силу того, что они не выполняют сигнификативной роли в жизни народа.

Несомненно, носители английского языка могут различать между голубым (navy blue) и синим (sky blue) цветами. Однако их культурные установки определяют их оттенками одного цвета (несмотря на то, что эти цвета различаются длиной световой волны точно так, как синий (sky blue) от зеленого (green). Однако с учетом того, носители русского языка различают эти два цвета как «голубой» и «синий», можно понять носителей тех языков, которые не различают «синий» и «голубой» — точно так же, как английский язык объединяет «голубой» и «синий» цвета в один термин «blue», другие языки расширяют этот термин на весь «сине-зеленый» диапазон.

В английской культуре синий цвет символизирует верность и преданность: национальная свадебная традиция предписывает невесте надеть «something old, something new, something borrowed, something blue» (что-нибудь старое, что-нибудь новое, что-нибудь взятое взаймы и что-нибудь синее). При этом в языке имеются фразеологизмы со значением грусти, плохого настроения и тоски, образованные с участием компонента «blue»: to feel blue — грустить, быть в плохом настроении, «get/have the blues» — хандрить, стать грустным, подавленным. Интерес представляет использование в русском языке выражения «до посинения», имеющего коннотацию «до полной потери сил, до изнеможения», заключающего в себе процесс чрезмерное упорного труда для достижения определенной цели. При этом слово «синяк» в английском языке имеет корреляцию «black eye», что соотносится исключительно к повреждению зоны глаз и обретению кожей вокруг глаз темного (черного в английском восприятии) оттенка, в то время как «синяк» (синий оттенок, вызванный кровоподтеком)

может иметь отношение к любой части человеческого тела. При этом кабардино-черкесский язык демонстрирует черты, близкие и русскому мировоззрению, и английскому, именуя кровоподтек черным цветом, однако не ограничивая возможность его появления территорией глаз: «уфЫщЫн» (почернеть, посинеть (от удара)). Сочетание слов «гур уфЫщЫн» имеет культурно специфическую коннотацию «измучиться» («си гур уфЫщЫщ» (я устал/а, измучился/лась, букв. мое сердце почернело).

«Every color has a purpose, although people may think they're chosen at random. White signifies purity and integrity. Black intimidates. Red shocks and paralyzes. Yellow attracts attention. Green calms everything down and gives things the go-ahead. Blue soothes. Orange confuses. Bouncers should wear black — so it was in the beginning and would be forever after» (У каждого цвета есть свое предназначение, хотя люди могут думать, что они выбраны случайно. Белый означает чистоту и целостность. Черный пугает. Красный шокирует и парализует. Желтый привлекает внимание. Зеленый все успокаивает и ободряет (на совершение действий). Синий утешает (успокаивает). Оранжевый приводит в замешательство. Вышибалы должны носить черное — так было и будет всегда) (перевод авторский) [7, с. 207].

Наименования цвета являются ярким примером культурного и языкового происхождения разных людей: спектр излучения и поглощения световых волн, естественно, везде одинаков, а физиологические способности представителей различных этнических групп в восприятии цвета не отличаются, однако известно, народы различают неодинаковое количество цветов.

Цветовая лексика с небольшим количеством терминов ассоциируется некоторыми исследователями с относительно простыми культурами, в то время как языки с большим количеством цветовых терминов связывают со сложными культурами и технологиями.

Заключение

Изучение цвета и цветовых обозначений тесно связано практически со всеми научными и человеческими областями знаний. Названия цветов отражают важную культурно-историческую особенность того или иного народа, указывают на соответствующее взаимодействие между обществом и личностью.

Универсалисты утверждают о наличии базовых тенденций восприятия и категоризации цветового континуума, в то время как релятивисты ориентированы на семантику естественного языка и языковую картину мира.

Восприятие цвета и его категоризация являются перспективными направлениями, вызывающими неослабевающий исследовательский интерес.

Лингвокультурная специфика кабардино-черкесского языка подтверждает утверждение А. Вежбицкой о том, что термин «цвет» не является универсальным для всех языков, а может быть предопределен культурными характеристиками носителей языка. В кабардино-черкесском языке закреплена культурно важная информация о визуальном способе восприятия предметов окружающей действительности.

Национальное, языковое мировоззрение считается неотъемлемой частью понимания культуры и традиций того или иного народа, определяющей его идентичность. Языковые мировоззрения разных народов имеют существенные отличия, однако можно найти сходные черты из-за общих основных человеческих понятий. Например, в большинстве культур отношение к цвету как важнейшей характеристике предметов окружающего мира

детерминировано физиологической способностью человека воспринимать цвета.

Не бывает хороших или плохих языков, а различия в языках неизбежны по многим факторам, в том числе этнокультурным. И данная работа направлена на раскрытие этих различий и их ценности как для самих носителей, так и для мира в целом и изучающих язык, которые обогащаются новыми идеями и другим взглядом на мир.

Проанализированный в данном исследовании материал разносистемных языков ставит под сомнение теорию Берлина и Кея в отношении производности таких цветов, как «brown» (коричневый, кхъуэщыныфэ) и «pink» (розовый, тхъэмбылыфэ), «orange» (оранжевый, къэбыфэ) в русском и кабардино-черкесском языках, которых исследователи отнесли к базовым и универсальным цветам, а также отмеченное и другими исследователями разделение термина «blue» в русском, хорватском и турецком языках на два самостоятельных цветовых термина (синий и голубой).

Развитие цветообозначений оказывается тесно связанным с самим восприятием окружающего мира. При этом восприятие или постижение цветового мира включает в себя важный культурный компонент, а проблема цвета напрямую связана с проблемами о взаимоотношениях языка и мышления, языка и культуры.

Экспликация отдельных цветообозначений в одном языке различными лексемами, а в другом — однокоренными словами свидетельствует об особенностях восприятия и категоризации цветового пространства носителями языка в зависимости от их культурных традиций, то есть от того, насколько значим тот или иной цвет в жизни этноса. Индикатором национального ментального устройства, безусловно, выступает язык.

Цветоминимация культурно специфична, а символика цвета в разносистемных языках отражает национально-культурные особенности, изучение которых способствует пониманию менталитета народа.

Литература

1. *Адыгэ литературэм и классик* [Электронный ресурс] // Электронная газета «Кабардино-Балкария». 24 мая 2022 г. URL: <https://elgkbr.ru/node/10971> (дата обращения: 26.10.2023).
2. *Адыгэшымы и дуней тельдыджэр* [Электронный ресурс] // Электронная газета «Кабардино-Балкария». 28 января 2023 г. URL: <https://elgkbr.ru/node/14300> (дата обращения: 26.10.2023).
3. *Бородай С.Ю.* Язык и познание: введение в пострелятивизм / С. Ю. Бородай; отв. ред. В.А. Лекторский, А.В. Смирнов. 2020. М.: ООО «Садра»: Издательский Дом ЯСК. 800 с.
4. *Вежбицкая А.* Обозначения цвета и универсалии зрительного восприятия // Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. 1996. М. С. 231-291.
5. *Охрицкая Н.М.* Лингвокультурологический аспект многозначности цветоименований: дисс. ... канд. филол. наук. 2012. Челябинск.
6. *Berlin B., Kay P.* Basic Color Terms: Their Universality and Growth. 1969. Berkeley: University of California Press.
7. *Coelho P.* The Winner Stands Alone. 2010. Harper. 359 p.
8. *Dedrick D.* Naming the Rainbow. 1998. London: Kluwer Academic Publishers.
9. *Deutscher G.* Through the language glass: why the world looks different in other languages. 2010. New York: Henry Holt and Company. 320 p.
10. *Goddard C.* Semantic analysis: a practical introduction. 1998. Oxford: University Press.
11. *Goddard C., Wierzbicka A.* (eds.) Meaning and Universal Grammar: Theory and Empirical

- Findings. Vols. I, II. 2002. Amsterdam: John Benjamins.
12. Hardin C.L., Maffi L. (eds). *Color Categories in Thought and Language*. 1997. Cambridge: Cambridge University Press.
 13. Lucy J.A. *Language diversity and thought: A reformulation of the linguistic relativity hypothesis*. 1992. Cambridge: Cambridge University Press.
 14. Lyons J. *Color in language // Color: art & science*. 1995. Cambridge: Cambridge University, pp. 194-224.
 15. Regier T., Kay P. *Language, thought and color: Whorf was half right // Trends in Cognitive Sciences*. 2009.
 16. Saunders B. *Revisiting basic color terms // Journal of the Royal Anthropological Institute*. 2000. No. 6, pp. 81-99.
 17. Stanlaw J. *Color and Color Nomenclature // The International Encyclopedia of Linguistic Anthropology*. 2020. DOI: 10.1002/9781118786093.iela0062
 18. Van Brakel J. *Meaning, Prototypes and the Future of Cognitive Science // Minds and Machines*. 1991. Vol. 1, no. 3, pp. 233-257.
 19. Whorf B.L. *Language, thought, and reality: Selected writings of Benjamin Lee Whorf*. 1956. Technology Press of Massachusetts Institute of Technology. 278 p.
 20. Wierzbicka A. *Semantics: Primes and Universals*. 1996. New York: Oxford University Press.
 21. Wierzbicka A. *The meaning of colour terms: semantics, culture and cognition. Cognitive Linguistics*. 1990. Vol. 1, no. 1, pp. 99-150.
 22. Wierzbicka A. *There are no 'color universals' but there are universals of visual semantics // Anthropological Linguistics*, 2005. Vol. 47 (2), pp. 217-244.

References

1. *Adyge literaturem i klassik [Elektronnyi resurs] // Elektronnaya gazeta «Kabardino-Balkariya»*. 24 maya 2022 g. Available at: <https://elgkbr.ru/node/10971> (Accessed: 26.10.2023).
2. *Adygeshyim i dunei tel"ydzher [Elektronnyi resurs] // Elektronnaya gazeta «Kabardino-Balkariya»*. 28 yanvarya 2023 g. Available at: <https://elgkbr.ru/node/14300> (Accessed: 26.10.2023).
3. Borodai S.Yu. *Yazyk i poznanie: vvedenie v postrelyativizm / S. Yu. Borodai; otv. red. V.A. Lektorskii, A.V. Smirnov*. 2020. Moscow: OOO «Sadra»: Izdatel'skii Dom YaSK. 800 p.
4. Vezhbitskaya A. *Oboznacheniya tsveta i universalii zritel'nogo vospriyatiya // Vezhbitskaya A. Yazyk. Kul'tura. Poznanie*. 1996. Moscow, pp. 231-291.
5. Okhritskaya N.M. *Lingvokul'turologicheskii aspekt mnogoznachnosti tsvetonaimenovanii: diss. ... kand. filol. nauk*. 2012. Chelyabinsk.
6. Berlin B., Kay P. *Basic Color Terms: Their Universality and Growth*. 1969. Berkeley: University of California Press.
7. Coelho P. *The Winner Stands Alone*. 2010. Harper. 359 p.
8. Dedrick D. *Naming the Rainbow*. 1998. London: Kluwer Academic Publishers.
9. Deutscher G. *Through the language glass: why the world looks different in other languages*. 2010. New York: Henry Holt and Company. 320 p.
10. Goddard C. *Semantic analysis: a practical introduction*. 1998. Oxford: University Press.
11. Goddard C., Wierzbicka A. (eds.) *Meaning and Universal Grammar: Theory and Empirical Findings. Vols. I, II*. 2002. Amsterdam: John Benjamins.
12. Hardin C.L., Maffi L. (eds). *Color Categories in Thought and Language*. 1997. Cambridge:

Маремукова Э.В.
Лингвокультурная специфика категоризации и
стереотипизации цвета в разноструктурных языках
Язык и текст. 2023. Том 10. № 4. С. 15–29.

Maremkova E.V.
Linguocultural Specificity of Categorization and
Stereotyping of Color in Languages with Different
Structures
Language and Text. 2023. Vol. 10, no. 4, pp. 15–29.

Cambridge University Press.

13. Lucy J.A. Language diversity and thought: A reformulation of the linguistic relativity hypothesis. 1992. Cambridge: Cambridge University Press.
14. Lyons J. Color in language // Color: art & science. 1995. Cambridge: Cambridge University, pp. 194-224.
15. Regier T., Kay P. Language, thought and color: Whorf was half right // Trends in Cognitive Sciences. 2009.
16. Saunders B. Revisiting basic color terms // Journal of the Royal Anthropological Institute. 2000. No. 6, pp. 81-99.
17. Stanlaw J. Color and Color Nomenclature // The International Encyclopedia of Linguistic Anthropology. 2020. DOI: 10.1002/9781118786093.iela0062
18. Van Brakel J. Meaning, Prototypes and the Future of Cognitive Science // Minds and Machines. 1991. Vol. 1, no. 3, pp. 233-257.
19. Whorf B.L. Language, thought, and reality: Selected writings of Benjamin Lee Whorf. 1956. Technology Press of Massachusetts Institute of Technology. 278 p.
20. Wierzbicka A. Semantics: Primes and Universals. 1996. New York: Oxford University Press.
21. Wierzbicka A. The meaning of colour terms: semantics, culture and cognition. Cognitive Linguistics. 1990. Vol. 1, no. 1, pp. 99-150.
22. Wierzbicka A. There are no 'color universals' but there are universals of visual semantics // Anthropological Linguistics, 2005. Vol. 47 (2), pp. 217-244.

Информация об авторах

Маремукова Элеонора Владимировна, кандидат филологических наук, главный специалист-эксперт Министерства культуры Кабардино-Балкарской Республики, г. Нальчик, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3567-9693>, e-mail: elleonora16@mail.ru

Information about the authors

Elleonora V. Maremkova, PhD in Philology, Chief Specialist-Expert, Ministry of Culture of the Kabardino-Balkarian Republic, Nalchik, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3567-9693>, e-mail: elleonora16@mail.ru

Получена 01.12.2023
Принята в печать 15.12.2023

Received 01.12.2023
Accepted 15.12.2023